

БУМЕРАНГ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Пятаков

Бумеранг

<https://litres.ru/74373704>

SelfPub; 2026

Аннотация

Три года назад жизнь Кирилла и Анны превратилась в пепел: халатность чиновников привела к обрушению жилого дома, унесшему жизнь их маленькой дочери. Когда официальный суд выносит виновным условные приговоры, супруги понимают, что государственная машина равнодушна к их горю. Движимые глухой местью, они решаются на отчаянный шаг - берут правосудие в собственные руки.

Александр Пятаков

Бумеранг

Введение

Человеческая память устроена удивительно милосердно: она стремится загладить самые глубокие шрамы, притупить остроту пережитого ужаса и убаюкать разум иллюзией того, что любая катастрофа имеет свой закономерный финал. Но когда привычный, осязаемый мир рушится в одно мгновение, погребая под обломками чужой халатности самое дорогое, это милосердие испаряется без следа. Остается лишь пустота — леденящая, непреходящая и требующая заполнения. В этот момент на выжженной почве человеческого горя рождается глухой, звенящий протест, который со временем неизбежно кристаллизуется в холодную, расчетливую жажду расплаты. Обычные люди, привыкшие доверять официальным экспертизам, законам и праву на тихую, незаметную безопасность, внезапно обнаруживают себя на обочине жизни. Они понимают, что для огромной, равнодушной государственной машины их трагедия — лишь досадная погрешность в отчетах, а лица виновных надежно скрыты за дубовыми дверями министерских кабинетов и глянцевым фасадом номенклатурного благополучия.

Эта рукопись — не классическая история о триумфальном поиске правды и не детектив о торжестве справедливости. Это глубокое, психологическое исследование того, как далеко способен зайти человек, у которого отняли прошлое и лишили права на будущее. Вступая на скользкий путь невидимого противостояния с системой, герои даже не догадываются, насколько сложна и безжалостна кулуарная архитектура, в недра которой они добровольно спускаются. Теневой мир, где каждый бюджетный транш и земельный участок имеют своих скрытых бенефициаров, не прощает линейной логики и искренних порывов ярости. Он устроен как гигантский часовой механизм, где любая личная месть, сколь бы праведной она ни казалась, мгновенно подхватывается шестеренками чужих, куда более масштабных амбиций. Стоит лишь однажды нажать кнопку записи или переступить порог тайного убежища, как обратного пути больше не будет: воронка событий затягивает мгновенно, превращая вчерашних суверенных личностей в расходный материал для чужих политических комбинаций.

Повествование шаг за шагом обнажает суровые, выжигающие душу законы тотальной мимикрии под систему. Чтобы выжить в условиях непрекращающейся паранойи, под прицелом объективов уличных камер и ведомственного надзора, героям приходится пройти через радикальное, почти хирургическое преобразование. Меняются фальшивые паспор-

та, стираются настоящие имена, перекрашиваются волосы и подбираются строгие костюмы делового стиля. Но внешняя маскировка лишь вершина айсберга. Настоящая, пугающая деформация происходит внутри, где под воздействием постоянного страха и удушливого чувства позора медленно плавится былая человеческая эссенция. Рукопись погружает читателя в густую, кинематографичную атмосферу номенклатурного нуара, где затяжные разговоры на темных кухнях под монотонный стук капель водопроводного крана чередуются с ледяным безмолвием служебных автомобилей, а вынужденное соглашательство с грязными правилами игры постепенно становится единственным способом защититься тех, кто остался дорог. Это хроника неизбежного внутреннего излома, где каждый новый шаг ради спасения близких лишь сильнее затягивает петлю, доказывая: в кулуарных жерновах современной машины власти невозможно остаться в чистых перчатках, если ты однажды согласился примерить на себя эту роль.

Глава 1. Кожа яблока

Сырость заброшенной котельной имела свой собственный, въедливый запах — смесь застарелого мазута, крошащегося от времени бетона и подвальной плесени, которая годами впитывала в себя холод. Единственная тусклая лампа, подвешенная на оголенном, покрытом серой пылью проводе

где-то под высокими, нечитаемыми в темноте сводами, едва рассеивала полумрак. Ее колеблющийся желтушный свет выхватывал из чернильной пустоты лишь узкий круг. В самом центре этого круга стоял тяжелый железный стул, намертво приваренный к полу еще в те времена, когда здесь кипела жизнь.

На стуле, неестественно выпрямившись и задыхаясь от собственного, хриплого дыхания, сидел Игорь Ковалев. На его лице, некогда холеном, привыкшем к дорогому парфюму и мягкому свету министерских кабинетов, теперь запекались багровые ссадины. Прозрачные витки широкого строительного скотча намертво прижимали его тело к железным перекладинам, врезаясь в ткань дорогой шерстяной рубашки, которая теперь казалась нелепым саваном. Каждое движение стоило ему огромных усилий, а пластиковая лента лишь глубже въедалась в кожу, отрезвляя тупой, ноющей болью.

Напротив него, на безопасном расстоянии, сидел Кирилл. Он устроился на сером деревянном ящике из-под советских инструментов так спокойно, словно находился на веранде собственного загородного дома. В его руках был старый кухонный нож с потемневшим от времени лезвием и сточенной деревянной рукоятью. Кирилл монотонно, с пугающей размеренностью чистил зеленое яблоко. Сталь с тихим шуршанием скользила по сочной мякоти, и тонкая, полупрозрачная

лента кожи струилась вниз, ни разу не оборвавшись. Его взгляд — стеклянный, мертвый, лишенный какой бы то ни было человеческой искры — был устремлен куда-то сквозь Игоря. Это был взгляд человека, который уже переступил черту и оставил на той стороне всё, что связывало его с миром живых.

— Пожалуйста... — голос Игоря сорвался на жалкий, хриплый всхлип, слюна потекла по подбородку, но он даже не мог ее вытереть. — Пожалуйста, послушай меня. У меня есть деньги. Очень много денег. На зарубежных счетах, наличными в ячейке... Я отдам всё, до копейки. Никто, слышишь, никто никогда не узнает, кто это сделал. Я просто исчезну. Уеду из страны. Только не надо...

Кирилл не дрогнул. Он аккуратно отрезал ровную, сочную дольку яблока ножом, отправил ее в рот и начал медленно, методично жевать. Стук его зубов и хруст плода в этой звенящей тишине подвала казались оглушительными, похожими на удары судейского молотка. Окончив жевать, он опустил руку с ножом на колено.

— Три года назад, — тихо, но свинцово-тяжело произнес Кирилл, и его голос со свистом разрезал сырой воздух, — ты возглавлял комиссию по расселению аварийного фонда. Ты помнишь дом номер двенадцать на Речной улице, Игорь?

Ковалев мгновенно побледнел. Его сероватая кожа приобрела землистый оттенок, а крупная дрожь, бившая тело, усилилась настолько, что ножки тяжелого стула едва слышно застучали по бетонному полу. Он судорожно сглотнул, пытаясь поймать ртом ускользающий воздух.

— Там... там была официальная экспертиза, — забормотал Игорь, тщетно пытаясь придать своему голосу хоть каплю былой чиновничьей уверенности, но выходил лишь жалкий лепет. — Дом... его признали пригодным для эксплуатации. Еще на пять лет, понимаешь? Минимум на пять лет! Я не специалист, Кирилл! Я просто подписал бумаги, которые мне принесли из юридического отдела. Моя подпись была чистой формальностью, понимаешь ты это или нет? Я просто выполнял свою работу!

Кирилл медленно встал. Каждое его движение было плавным, лишенным суеты, но в этой плавности сквозила страшная, хищная сила. Он сделал шаг вперед, входя в самый центр светового пятна. Нож в его правой руке лениво, демонстративно повернулся между пальцами, блеснув тусклым лезвием перед глазами пленника.

— Ты просто подписал... — повторил Кирилл, и в его голосе впервые прорезался хриплый, клокочущий мотив, об-

наживший бездну ярости, которую он так долго сдерживал. — Ну конечно, пригодный для проживания. Идеальный дом. Почему же тогда ровно через месяц в третьем подъезде рухнули несущие перекрытия с пятого по первый этаж? Под завалами этой твоей «формальности» заживо похоронило семь человек. Семь, Ковалев! Ты, гнида, сидел в своем теплом кабинете, пока они там задохались под тоннами бетона! Почему?!

— Я не знал! — закричал Игорь, вжимаясь спиной в железные прутья стула и пытаясь отвернуться, убрать лицо от приближающегося лезвия. — Я клянусь тебе, я не знал, что материалы были фальсифицированы! Это был трагический несчастный случай! Форс-мажор! Меня ведь суд оправдал! Ты понимаешь это своей больной головой или нет?! Государственный суд признал меня невиновным!

Кирилл остановился в полушаге от него. Наклонившись так близко, что Игорь мог чувствовать его холодное дыхание, пахнущее яблоком, он заговорил шепотом, который бил сильнее любого крика:

— Суд приговорил тебя к двум годам условно и копеечному штрафу, который ты выплатил из своей следующей взятки. Моя дочь... Настенька... Ей было восемь лет, Ковалев. Она стоила триста тысяч рублей компенсации, которую мне

выписало твое ведомство? Отвечай мне, тварь! Отвечай!!!

Игорь разрыдался. Слезы смешались с потом и грязью на его щеках. Он извивался в путах, тщетно пытаясь отыскать хоть каплю сострадания в этих пустых, мертвых глазах напротив.

— Мне жаль... Боже, как мне жаль... — запричитал он, захлебываясь собственным плачем. — Но это не моя вина... Пойми же ты, от меня тогда вообще ничего не зависело! Мне приказали сверху, мне принесли готовый пакет и сказали: «Подпиши, иначе завтра вылетишь с волчьим билетом». Что ты хочешь от меня теперь? Отомстить? Это же глупо, Кирилл! Тебя же поймают, тебя посадят на всю жизнь! Чего ты добиваешься — ты хочешь меня убить?! Убей, ну же, убей, если тебе от этого станет легче!

Кирилл внимательно посмотрел на него, и на его губах появилась едва заметная, горькая и пугающая усмешка.

— Смерть — это слишком просто для тебя, Игорь, — тихо произнес он, выпрямляясь. — Умереть за секунду — это милость, которую ты не заслужил. К тому же, ты ведь был там далеко не один. Вас целая свора, и каждого из вас ждет своя расплата. А сейчас ты заткнешься, вытрешь сопли и соберешься с мыслями. Вспоминай, сука. Каждую мелочь, каж-

дую букву, каждый документ, который проходил через твои руки.

Кирилл залез в карман своей потертой куртки и достал старый, тяжелый цифровой диктофон. Нажав на кнопку записи, на которой загорелся крошечный, зловещий красный огонек, он аккуратно положил прибор на колени Игорю, прямо поверх стягивающего ноги скотча.

— Я хочу, чтобы ты наговорил сюда всё, — скомандовал Кирилл, возвращаясь к своему ящику. — Пошагово. Как брал, у кого именно, какие суммы, через какие банки и кому передавал долю выше. Кто на тебя надавил, кому это было выгодно в министерстве. Мне нужны имена, фамилии, даты. Имена судей, которые заминали дело, имена экспертов, которые подписывали фальшивые заключения. Всё. До единого слова.

— Если я это сделаю, — голос Игоря превратился в испуганный писк, лицо перекошило от первобытного ужаса, — меня уничтожат! Те, кто стоит над ними всеми... они сотрут меня в порошок! Меня в камере убьют в первую же ночь, ты понимаешь?! У них везде свои люди!

Кирилл снова посмотрел на него своим страшным, застывшим взглядом, в котором горела глухая, выжженная до-

тла злоба.

— В тюрьме у тебя будет хотя бы призрачный шанс выжить, если начнешь сотрудничать со следствием, — отчеканил он в упор. — Здесь, в этом подвале, у тебя этого шанса нет. Выбирай, Игорь. Прямо сейчас.

Ковалев перевел взгляд с диктофона на нож, который Кирилл снова начал медленно вертеть в руках. В сыром полумраке котельной воцарилась душная, осязаемая тишина. Было слышно, как где-то далеко, за пределами этого круга света, мерно капает вода. Игорь судорожно вздохнул, глотая соленые слезы, приблизил лицо к микрофону и, заикаясь, начал говорить:

— Я... Ковалев Игорь Викторович... Находясь в здравом уме... В марте две тысячи двадцать третьего года... получил взятку в размере двенадцати миллионов рублей за подписание акта приемки...

Его монотонный, полностью сдавшийся голос, перечисляющий сухие цифры, даты и фамилии, зазвучал под бетонными сводами, постепенно теряя человеческие интонации и превращаясь в механическую исповедь смертника.

В салоне старого, потрепанного автомобиля, припарко-

ванного глубоко в глухих зарослях сирени неподалеку от полуразрушенного здания котельной, царил густой, душный полумрак. Лобовое стекло давно изнутри покрылось мелкой сеткой конденсата, отрезая находящихся внутри от внешнего мира. На месте водителя сидела Анна. За последние три года ее лицо страшно осунулось, под глазами залегли глубокие, несмываемые черные круги, а в волосах до срока проступила заметная седина. Она сидела неподвижно, изо всех сил сжимая в бледных пальцах старую детскую мягкую игрушку — плюшевого мишку с оторванным и наскоро пришитым серыми нитками ухом.

Щелкнул замок, тяжелая дверь со скрипом отворилась, пустив внутрь порцию ночной прохлады, и на пассажирское сиденье тяжело опустился Кирилл. Он не стал закрывать дверь сразу — несколько секунд в машине стояла абсолютная, звенящая тишина, нарушаемая лишь их прерывистым, тяжелым дыханием. Наконец, он захлопнул дверь, достал из кармана диктофон и медленно, словно этот маленький прибор весил несколько тонн, положил его на приборную панель.

Анна даже не взглянула на диктофон. Ее воспаленные глаза были устремлены на руки мужа.

— Ты... ты оставил его там? — прошептала она, и этот

шепот прозвучал как мольба и проклятие одновременно. — Он жив, Кирилл?

— Жив, — коротко бросил он, глядя прямо перед собой через запотевшее стекло. — Связан. В карман я подбросил ему пакет с наркотиками. Телефона у него нет, сам не выберется. У утра его найдет наряд — я уже отправил анонимное сообщение с таксофона на окраине. С этой аудиозаписью его закроют в СИЗО без права на залог в первые же часы. А копии этого файла к утру будут на столах в генеральной прокуратуре и в редакциях трех федеральных сми. Его сдадут. И его, и всю их чертову банду, которая кормилась на этих домах.

Анна медленно отвернулась к боковому окну, прижавшись лбом к холодному стеклу. По ее щеке, оставляя чистую дорожку на бледной коже, покатилась крупная, одинокая слеза. Она сильнее сжала плюшевого мишку, утыкаясь носом в его потрепанный искусственный мех.

— И всё? — с невыразимой, черной горечью тихо спросила она. — Это конец? Мы пришли к финалу?

Кирилл повернулся к ней и впервые за всю эту долгую, кошмарную ночь протянул руку и накрыл ее ладонь своей. Его пальцы крупно, неудержимо дрожали. Весь тот ледяной монолит спокойствия, который он выстраивал в себе года-

ми, в одно мгновение рассыпался. Силы полностью покинули его, оставив лишь пустоту и страшную усталость.

— Это всё, что мы могли сделать, Ань, — тихо, ломающимся голосом произнес он. — Поверь мне. Живым его те, кто сверху, теперь точно не оставят — он слишком много наговорил на этой ленте. Их всех достанет этим рикошетом. Сухими из этой грязи им уже не выбраться. Система сама сожрет своих детей.

— Нам это её не вернет... — Анна зарыдала, но это были беззвучные, сухие слезы, от которых грудь ходила ходуном. — Мы три года... три долгих, проклятых года жили только этой мезью. Мы не спали, мы собирали эти проклятые документы, искали зацепки, компромат, рисковали всем... Мы дышали этой злобой. А теперь? Что нам делать завтра утром? Что будет дальше, Кирилл?

Кирилл отвернулся и посмотрел на темную, уходящую в никуда ночную дорогу. Справедливость, которую они так долго и мучительно вырывали у этого мира, восторжествовала. Но внутри нее не оказалось ничего, кроме абсолютной, ледящей пустоты. Месь, ставшая их смыслом жизни, исполнила свою роль и ушла, оставив на пепелище двух сломленных, одиноких людей. Она не исцеляла. Она лишь выжидала все вокруг.

— Не знаю, — тихо ответил он, и его голос утонул в темноте салона. — Наверное... нам придется заново учиться просто жить. Если мы еще помним, как это делается.

Анна медленно протянула руку к замку зажигания и повернула ключ. Старый мотор натужно взревел, оживая. Яркие, резкие лучи фар разрезали ночную темноту, выхватив из мрака разбитую, покрытую глубокими выбоинами асфальтовую дорогу, ведущую прочь от заброшенной котельной. Машина медленно тронулась с места и растворилась в черной пустоте ночи.

Глава 2. Маховик

Бумага в двадцать первом веке стала слишком медленной и уязвимой — ее можно перехватить на сортировке, изъять до регистрации или просто уничтожить в дежурной части. Кирилл понимал это, поэтому действовал иначе, через цифровую среду, которая не оставляет осязаемых следов.

Они выбрали крупное, всегда забитое людьми интернет-кафе на втором этаже торгового центра в самом сердце города. Огромный поток посетителей, бесконечный гул голосов, смешивающийся с шумом ресторанного двора неподалеку, и постоянная ротация лиц были им только на руку.

Среди сотен подростков, геймеров и случайных прохожих, ежедневно сменявших друг друга за компьютерами, запомнить или вычислить кого-то конкретного было практически невозможно.

Анна осталась у перил второго этажа, затерявшись в толпе покупателей и лениво разглядывая витрины, но не теряя из виду вход. Кирилл прошел к дальнему ряду терминалов, оплатил наличными час работы у парня за стойкой, который даже не взглянул на него, и сел за монитор.

Его пальцы методично, без тени сомнения вбивали команды. Заранее созданный на анонимном зарубежном почтовом сервисе аккаунт, не привязанный к номеру телефона, был готов к отправке. Одним тяжелым кликом Кирилл прикрепил к электронному письму архивный пакет. Внутри него была не просто аудиозапись — там находились оцифрованные за три года оригиналы документов, подтверждающие масштабный должностной подлог. Кирилл выложил на свет подлинные акты технического состояния дома на Речной, которые чиновники намеренно скрыли от жильцов и надзорных органов, заменив их фальшивой экспертизой о пригодности здания. В архиве также содержались подробные схемы теневых доходов Ковалева и ведомости маневренного фонда недвижимости города, который вместо расселения людей из аварийного жилья незаконно сдавали в скрытую коммерческую

аренду, принося чиновникам миллионные откаты.

Кирилл ввел адреса приемных Генеральной прокуратуры, Следственного комитета и Федеральной службы безопасности. В поле «Скрытая копия» он добавил прямые рабочие ящики главных редакторов трех крупнейших федеральных изданий и ссылки на облачное хранилище, где файлы уже были зашифрованы и продублированы.

Когда палец Кирилла опустился на клавишу отправки, по сети ушел не просто массив данных — ушел цифровой приговор, который невозможно было отозвать назад или уничтожить физически.

После отправки наступила удушливая, вытягивающая жилы пауза. Первые двое суток в информационном пространстве стояла мертвая, пугающая тишина. Крупным медиа и федеральным редакциям понадобилось время на тщательную проверку колоссального объема полученных данных. Журналисты и юристы скрупулезно сличали подписи, перепроверяли кадастровые номера скрытого маневренного фонда и проводили независимую экспертизу звукового файла, опасаясь фальсификации или спланированной политической провокации. Эти сорок восемь часов для Кирилла и Анны превратились в сплошной, непрекращающийся кошмар ожидания.

Но когда проверка завершилась, тишина, в которой они жили три года, взорвалась.

Информационная волна, подкреплённая неопровержимыми доказательствами, за несколько часов превратилась в цунами. Федеральные телеканалы выпустили экстренные сюжеты в прайм-тайм. Лицо Игоря Ковалева — холеное, министерское — теперь красовалось на главных страницах всех новостных агрегаторов страны рядом со снимками разрушенного третьего подъезда.

В здании регионального правительства на площади Ленина погасили свет только под утро следующего дня. В окнах третьего этажа, где располагались кабинеты высшего руководства, силуэты людей двигались в лихорадочном, изломанном ритме. Качели, которые Кирилл и Анна раскачивали три долгих года, качнулись со страшной силой, и их траектория теперь была прямо по тем, кто считал себя неприкасаемыми.

— Нам нужно заявление. Срочно. Опровержение, — министр информационной политики области, бледный, с дрожащими губами, швырнул на стол стопку распечаток скриншотов перед вице-губернатором. — Они ведут прямые трансляции, файлы разлетелись по тысячам каналов, их фи-

зически нельзя заблокировать. В комментариях под каждым постом — призывы к отставке правительства. Федеральный центр уже затребовал спецдоклад.

Вице-губернатор, грузный мужчина с багровым от высокого давления лицом, даже не посмотрел на бумаги. Он смотрел в окно, на площадь, где у подножия памятника уже собирались первые съемочные группы с тяжелыми камерами на штативах.

— Какое опровержение, идиот? — тихо, почти беззвучно прохрипел он. — Там его подпись на сканах поддельной экспертизы. Там его голос на аудио. Он сдал всю схему с коммерческой арендой маневренного фонда от первой до последней цифры. Рассказал, у кого на лапе оставались деньги, которые должны были пойти на расселение людей с Речной. Включая меня. И включая губернатора. Это не просто утечка, это расстрельный список.

Карусель событий завертелась с юридической, безжалостной жесткостью. Возбужденное Главным следственным управлением уголовное дело по статье «Получение взятки в особо крупном размере, повлекшее тяжкие последствия» моментально обросло десятком сопутствующих статей — от превышения полномочий и должностного подлога до намеренного сокрытия информации об угрозе жизни граждан. Из

Москвы спецрейсом прибыла группа следователей центрального аппарата. Местным правоохрателям не доверяли; их самих начали вызывать на допросы одними из первых.

Кирилл и Анна наблюдали за этим из своего укрытия — маленькой, снятой на чужое имя квартиры в спальном районе, где из мебели были только старый диван и хрипящий телевизор. Они смотрели, как система, еще вчера казавшаяся монолитной крепостью, начинает пожирать саму себя, пытается спастись.

На экранах мелькали кадры обысков. Оперативники в масках выламывали тяжелые дубовые двери в загородных особняках чиновников, изымали коробки с наличными, дорогие часы, пачки документов. Заместителя начальника службы строительного надзора, который три года назад закрыл глаза на состояние фундамента, вывели из здания ведомства в наручниках под прицелом десятков камер. Его лицо, серое от осознания краха, выражало ту же смесь первобытного страха и непонимания, что и лицо Ковалева в котельной.

— Смотри, — тихо сказала Анна, указывая на экран, где бледный, осунувшийся губернатор на экстренном брифинге заявлял о «полной открытости правительства для следствия» и «бескомпромиссной борьбе с коррупцией». — Они

сдают друг друга. Как крысы.

— Это только фасад, Ань, — Кирилл сидел на полу, приклонившись спиной к батарее. Глаза его оставались сухими и неподвижными. — Они не борются. Они отрезают зараженные конечности, чтобы выжил весь организм. Ковалев для них теперь — смертельная опухоль. И они сделают всё, чтобы эта опухоль не заговорила в зале суда.

Юридические тиски сжимались. Каждый день приносил новые повестки, новые задержания, новые очные ставки. Следственный комитет методично поднимал архивы трехлетней давности. Те самые эксперты, которые когда-то за взятки признали аварийный дом безопасным, теперь один за другим подписывали признательные показания, надеясь скостить срок. Атмосфера в городе была наэлектризована до предела; страх стал осязаемым, он висел в воздухе над правительственным кварталом, заставляя людей в дорогих костюмах вздрагивать от каждого телефонного звонка и по нескольку раз проверять, не следит ли за ними неприметная серая машина.

Игорь Ковалев, находившийся в следственном изоляторе номер один под усиленной охраной, стал центром этой гигантской, вращающейся воронки. Он был единственным узлом, связывающим исполнителей на нижнем уровне с теми,

кто принимал решения в зашторенных кабинетах министерства. От его молчания или его красноречия теперь зависели судьбы десятков людей, воруявших миллиардами.

А в квартире на окраине Кирилл продолжал чистить яблоки. Кожура ложилась на старую газету ровными, спиральными кольцами. Маховик был запущен, качели взлетели в высшую точку, и в этой звенящей, предгрозовой тишине оба они — и Кирилл, и Анна — подсознательно ждали, когда конструкция не выдержит и с грохотом рухнет вниз, похоронив под собой и виновных, и их самих.

Глава 3. Эффект маятника

Экран старого телевизора в съемной квартире мерцал тусклым, синеватым светом, который выхватывал из темноты комнаты два неподвижных силуэта. Время близилось к девяти вечера. В эфире Первого канала шел главный новостной выпуск страны. Сюжет о коррупционном скандале, еще вчера занимавший первые полосы, теперь шел третьим блоком, уступая место международной повестке. Лицо ведущей оставалось безупречно гладким, лишенным каких-либо живых эмоций, когда она перешла к региональным новостям.

— Сегодня днем в следственном изоляторе номер один скончался бывший руководитель департамента жилищной

политики Игорь Ковалев, — отчеканил голос из динамика. — По предварительным данным Федеральной службы исполнения наказаний, подследственный покончил жизнь самоубийством через повешение в камере режимного объекта. Предсмертной записки обнаружено не было. Руководство ФСИН уже заявило о начале служебной проверки в отношении дежурной смены, допустившей инцидент. По факту случившегося Следственным комитетом возбуждено уголовное дело. Мы следим за развитием событий...

Картинка на экране сменилась сюжетом об открытии новой школы в Подмосковье, но Кирилл и Анна продолжали смотреть в пустой, светящийся центр монитора. В комнате воцарилась такая звенящая, леденящая тишина, что было слышно, как на кухне мерно, со свистом вздыхает старый холодильник.

— Повесился... — Анна медленно, словно пробуя слово на вкус, повторила его шепотом. Ее голос сорвался, превратившись в сухой, безжизненный хрип. — Кирилл... он не мог. Он был трусом. Самым жалким трусом из всех, кого я видела. Он дрожал там, в подвале, умолял о жизни, предлагал любые миллионы... Такие люди не лезут в петлю сами. Они цепляются за каждый лишний день, даже в тюрьме.

Кирилл не ответил. Он сидел на диване, подтянув коле-

ни к груди, и его пальцы, сжимавшие колено, побелели от напряжения. В его взгляде, устремленном на экран, не было удивления. Только глухая, черная пустота человека, который внезапно понял, что правила игры, которую он вел три года, изменились в одно мгновение.

— Они его убили, — тихо, но со свинцовой определенностью произнес Кирилл. — Замели следы. Он слишком много знал и слишком много успел наговорить на той записи. Если бы он дожил до суда, под откос пошло бы всё областное правительство вместе с губернатором. Его убрали те, кого он кормил.

— И что теперь? — Анна повернулась к нему, и в ее глазах, освещенных синим сиянием телевизора, блеснули слезы отчаяния. — Вся эта карусель... все эти документы, файлы, которые мы собирали по крупицам... Всё это зря? Мы зря рисковали? Зря выдали его?

— Зря, — Кирилл резко встал, подошел к окну и чуть приоткрыл тяжелую штору, всматриваясь в темный, залитый дождем двор. — Смотри сама. Главного свидетеля нет. Оригинал аудиозаписи они объявят результатом монтажа или нейросетевой подделкой. А без живого Ковалева, который подтвердил бы каждую цифру на очной ставке, все наши сканы — просто бумажки для хорошего адвоката. Система за-

щитила себя. Она просто отрезала хвост.

Прошел месяц. Информационный шум, поднятый федеральными СМИ, начал стремительно утихать, вытесняемый новыми, более громкими катастрофами и скандалами. Как только карусель в прессе остановилась, в аппарате правительства и региональном комитете по архитектуре и градостроительству области по-тихому, без лишнего пафоса начали разваливать уголовное дело.

Из Москвы отозвали спецгруппу следователей, передав материалы местному управлению. И местное правосудие сработало безупречно в интересах своих покровителей. Всю вину за должностной подлог, сокрытие аварийного состояния дома на Речной и миллиардные махинации с маневренным фондом недвижимости технично и последовательно переложили на покойного. «Ковалев действовал единолично, злоупотребляя доверием руководства и вводя в заблуждение вышестоящее начальство» — эта формулировка кочевала из одного юридического тома в другой.

В итоге на скамье подсудимых остались лишь несколько человек: два мелких посредника из частной строительной фирмы, передававших деньги, и пара рядовых представителей районной администрации, чьи подписи стояли на самых незначительных исполнительных актах. Суд приговорил их к

смехотворным, минимальным срокам в колонии-поселении, а большинство и вовсе отделалось условным наказанием. Губернатор сохранил свое кресло, вице-губернатор вернулся к привычному ритму жизни, а маневренный фонд города продолжил приносить теневые доходы, сдаваемый в скрытую коммерческую аренду через новые, наспех перерегистрированные фирмы-однодневки.

Но для Кирилла и Анны настоящая катастрофа только начиналась. Власть имущие, оправившись от первого шока и вернув контроль над ситуацией, не собирались оставлять случившееся без последствий. В закрытых кабинетах регионального УВД и в тихих загородных резиденциях был дан четкий, негласный приказ: найти тех, кто слил компромат в интернет-кафе. Найти и заставить замолчать навсегда, чтобы гарантировать абсолютную безопасность системы на будущее.

Атмосфера в маленькой съемной квартире с каждым днем становилась всё более душной. Чувство тревоги, липкое и осязаемое, заполняло каждый угол. Они перестали включать верхний свет, передвигаясь по комнате в полумраке. Каждая проезжающая под окнами машина, каждый случайный шаг на лестничной клетке заставляли их замирать, прислушиваясь к шорохам за железной дверью. Страх превратился в физическую боль, которая давила на виски и не да-

вала уснуть по ночам.

— Сегодня у подъезда стояла серая «Тойота», — тихо сказала Анна, сидя на полу у стены и обняв колени. Ее лицо за этот месяц осунулось так сильно, что скулы казались обтянутыми сухой, пергаментной кожей. — Внутри сидели двое. Они не выходили. Просто смотрели на окна. Кирилл, они ищут нас. Они проверяют все камеры вокруг того торгового центра, ищут совпадения по биллингу, по таймингам отправки писем... Это вопрос времени. Нас найдут и убьют так же, как Игоря. Объявят несчастным случаем или разбоем на окраине.

Кирилл подошел к ней, сел рядом на корточки и взял ее за ледяные, дрожащие ладони. Его собственные глаза запали, в них горел тусклый, лихорадочный огонь.

— Я знаю, Ань. Я знаю, — его голос звучал глухо, как из-под земли. — Законные методы... пресса, прокуратура, суды — всё это их территория. Мы пытались играть по правилам этого мира, надеясь, что справедливость существует хотя бы в цифрах и документах. Но они просто переписали правила на ходу. Они задушили Ковалева в камере и посмеялись над нами с экранов телевизоров. Наша месть превратилась в пшик.

— Так что нам делать? — Анна подняла на него полные слез и первобытного ужаса глаза. — Бежать? Куда? У нас нет денег, нет документов на другие имена, нас объявят в розыск как соучастников или террористов, если нужно будет. Мы в ловушке, Кирилл. Нас зажали в угол в этом проклятом городе, который принадлежит им от первого до последнего кирпича!

Кирилл молчал несколько минут, вглядываясь в темноту коридора. Тяжелое, прерывистое дыхание Анны и далекий гул вечернего города за окном давили на сознание, усиливая ощущение приближающейся развязки. Ловушка захлопнулась, и петля, которую они готовили для Ковалева, теперь медленно затягивалась на их собственных шеях.

— Есть один вариант, — наконец тихо произнес он, и в его голосе проступила новая, незнакомая ранее Анне жесткость. — Месяц назад, когда я искал выходы на архивы Минстроя через теневые форумы, мне попался один контакт. Человек без имени. На тех площадках его называют просто «Решала». О нем говорят шепотом даже те, кто ворочает миллионами в криминальном мире. Он не убивает. Он делает хуже. Он уничтожает личность. Стирает связи, обнуляет счета, забирает возможности, оставляя от человека лишь пустую оболочку. Живой труп, лишенный всего, что делало его сильным.

— И ты хочешь... ты хочешь обратиться к нему? — Анна вздрогнула, сильнее сжав его пальцы. — Кирилл, такие люди не помогают бесплатно. Какая у него цена? Что он потребует взамен?

— Всё, что у нас осталось, Ань, — Кирилл посмотрел на нее в упор, и в полумраке его лицо казалось каменной маской. — Или наши жизни, которые у нас всё равно заберут чиновники через неделю, или услуга, которую мы будем обязаны ему оказать, когда он потребует. У нас больше нет выбора. Закон мертв. Пресса куплена. Если мы хотим, чтобы те, кто похоронил нашу дочь под обломками дома, заплатили настоящую цену — нам придется впустить в свою жизнь настоящего дьявола.

Анна медленно опустила голову на его плечо, закрыв глаза. Изголодавшаяся по покою, измученная паранойей и страхом, она больше не находила в себе сил сопротивляться. Чувство неотвратимого рока, висевшее над ними весь этот месяц, наконец кристаллизовалось в единственное, страшное решение.

— Звони ему, — прошептала она в темноту комнаты. — Звони, Кирилл. Хуже уже не будет.

Глава 4. Тени на пороге

Поиски человека, которого не существовало в официальном мире, превратились для Кирилла в медленное, изнуряющее сошествие с ума. Целую неделю он не отрывался от экрана ноутбука, блуждая по запутанным лабиринтам скрытых сетевых форумов, шифрованных чатов и анонимных досок объявлений, где торговали чужими жизнями, фальшивыми личностями и запрещенными базами данных. Он оставлял завуалированные сообщения, переводил крошечные суммы в криптовалюте за призрачные зацепки, следовал по цепочкам оборванных ссылок, но всякий раз упирался в глухую, монолитную стену. Цифровой след «Решалы» таял, едва успев обозначиться. Сеть была забита дешевыми мошенниками и подставными аккаунтами спецслужб, но того, кто был ему нужен, там не было. Интернет молчал.

В отчаянии Кирилл переступил черту, к которой прежде поклялся никогда не приближаться. Через третьи руки, действуя через старого знакомого по гаражному кооперативу, когда-то отсидевшего срок, он попытался прощупать почву в криминальной среде. Кирилл передал устный запрос местным блатным — осторожно, без имен и деталей, просто обозначив, что ищет человека высокого уровня, способного решать деликатные вопросы с чиновниками без привлечения оружия. Ответ не пришел ни на следующий день, ни через три дня. Теневой мир города, напуганный недавними обыс-

ками в комитете по архитектуре и градостроительству, залег на дно. Его проигнорировали, посчитав либо сумасшедшим, либо подосланным провокатором. Напряжение внутри съемной квартиры сгустилось до предела; Анна почти перестала говорить, часами глядя в одну точку, а Кирилл ловил себя на том, что у него начинают крупно дрожать пальцы при любом шорохе за окном.

В четверг вечером Кирилл вышел из подъезда, чтобы дойти до круглосуточного магазина на углу — запасы еды подходили к концу. Весь путь туда и обратно он провел в состоянии лихорадочной паранойи, постоянно оглядываясь и проверяя, не идет ли кто-то следом. Двор был пуст, лишь холодный затяжной дождь стучал по козырькам подъездов.

Когда Кирилл вернулся и поднялся на свой третий этаж, в полумраке лестничной клетки все казалось прежним. Тускло горела единственная лампочка между этажами, пахло мокрой штукатуркой и застарелым табачным дымом. Он достал из кармана связку ключей, вставил ключ в замочную скважину, и в этот момент из густой тени у мусоропровода бесшумно, словно соткавшись из самого воздуха, шагнул человек.

Кирилл даже не успел повернуться. Тяжелая, жесткая ладонь мертвой хваткой легла ему на затылок, а вторая рука,

обтянутая тонкой кожаной перчаткой, накрыла рот, глуша готовый вырваться крик. Ключ в замке провернулся с резким щелчком, дверь квартиры поддалась, и незнакомец мощным, коротким рывком протолкнул Кирилла внутрь, шагнув вслед за ним и мгновенно заперев за собой замок на защелку.

Анна, сидевшая на кухне, вскрикнула и выбежала в коридор, прижимая к груди того самого потрепанного плюшевого мишку.

— Тихо. Оба, — голос пришедшего был негромким, но в нем сквозила такая леденящая, абсолютная уверенность в собственном превосходстве, что Анна мгновенно замолчала, прижавшись спиной к косяку.

Незнакомец не был похож на бандита из подворотни или наемного убийцу в спортивной куртке. На нем было дорожное, идеально сидящее темно-серое пальто, подтянутая фигура и спокойное, резкое лицо с аккуратно подстриженной седеющей щетиной. Его серые глаза, холодные и цепкие, как у хищной птицы, медленно осмотрели убогий коридор съемной квартиры, задержались на бледном лице Анны и, наконец, опустились на Кирилла, который тяжело дышал, потирая шею.

— Меня зовут Александр, — мужчина снял перчатки, ак-

куратно свернул их и убрал в карман. — Раз уж ты потратил столько времени, сил и чужих нервов, чтобы меня найти, Кирилл, давай пропустим стадию взаимных любезностей. Пройдем в комнату.

Они сели за старый деревянный стол под тусклой рожковой люстрой. Александр устроился на стуле с прямой спиной, не снимая пальто, и положил руки перед собой. Кирилл и Анна сели напротив, чувствуя, как комната наполняется тяжелой, удушливой атмосферой допроса, где они изначально занимали проигрышную позицию.

— Ты дурак, Кирилл, — спокойно, без тени злобы произнес Александр, и его взгляд заставил Кирилла опустить глаза. — Ты полез на закрытые форумы со своего старого ноутбука, пусть и через три прокси-сервера. Ты потревожил людей в криминальном совете, которые сейчас вздрагивают от каждого шороха из-за того цирка, что вы устроили с Ковалевым. Ты наследил везде, где только мог. Если бы на твоём месте был чуть более сообразительный опер, тебя бы приняли ещё три дня назад на выходе из интернет-кафе.

— Вы... вы всё знаете? — хрипло спросил Кирилл.

Александр едва заметно усмехнулся — горько и холодно.

— Я знаю о тебе всё. Я наводил справки с того самого момента, как твоя записочка дошла до блатных. Я знаю, с кем ты двигаешься, чем дышишь, где работал до того, как рухнул дом на Речной. Знаю про твою дочь Настю. Знаю, как вы держали Ковалева в котельной и как записывали его исповедь. Вы думали, что запустили маховик правосудия? Вы просто расковыряли муравейник. Теперь аппарат правительства и комитет по архитектуре зачищают концы. Ковалева удавили в камере, дело развалили, а за вами отправили группу ликвидаторов из областного УВД. Вы живы только потому, что они пока проверяют биллинг других кварталов. У вас осталось дня два. Минимум — три.

Анна судорожно вздохнула, сильнее сжав игрушку. Кирилл поднял голову, и в его глазах снова вспыхнул тот самый упрямый, безумный огонек, который вел его последние три года.

— Раз вы здесь... значит, вы пришли не убивать, — твердо сказал Кирилл. — Вам что-то нужно от нас.

Александр наклонился чуть вперед. Его лицо оказалось в круге желтого света от люстры, и Кирилл увидел глубокие, жесткие морщины у губ мужчины. Это было лицо человека, который давно разучился сочувствовать.

— Я пришел послушать, — ответил Решала, и его голос упал до вкрадчивого, опасного шепота. — Я знаю, что произошло. Но я хочу услышать от тебя: чего именно вы хотите от меня теперь, когда ваша официальная месть превратилась в пыль? Какова ваша конечная цель? И самое главное, Кирилл... мне очень интересно узнать, какую цену вы готовы заплатить за то, чтобы я вмешался в эту игру. Потому что бесплатно я не сдвинусь с места. Говори.

Кирилл сглотнул вязкую, горькую слюну. Взгляд Александра давил физически, не позволяя соврать или уклониться от ответа. Анна за его спиной почти не дышала, вцепившись пальцами в потрёпанную ткань плюшевого мишки.

— Мы хотим, чтобы они ответили, — тихо, но отчетливо произнес Кирилл. — Не через их купленные суды. Мы хотим, чтобы те, кто сидит в аппарате правительства и комитете по архитектуре, были уничтожены. Не физически. Вы сами сказали, что можете обнулить человека. Лишить их связей, должностей, влияния, миллионов, которые они заработали на жизнях наших детей. Оставить их никем. Пустыми оболочками. Чтобы они каждый день просыпались и выли от бессилия, зная, за что им это прилетело.

Александр слушал молча. На его породистом, холодном лице не дрогнул ни один мускул. Он дождался, пока Кирилл

закончит, и лишь тогда медленно кивнул, словно заносся эти слова в невидимый гроссбух.

— Это выполнимо, — ровно произнес Александр. — Отрезать человека от его ресурсов, разрушить его репутацию в глазах покровителей и превратить его жизнь в контролируемый ад — моя прямая специализация. Но теперь поговорим о моих интересах. Денег у вас нет, да они меня и не интересуют. Взамен на эту работу вы окажете мне услугу.

Кирилл нахмурился, подаваясь вперед:

— Какую услугу? Что мы должны сделать?

— Я скажу об этом тогда, когда возникнет необходимость, — отчеканил Александр, и в его серых глазах блеснул стальной блеск. — Это может случиться через месяц, через год или через пять лет. Когда мне понадобится ваш навык, ваша покорность или ваше присутствие в определенном месте — я приду и возьму свое. И вы сделаете то, что я прикажу. Хотите вы того или нет. Без лишних вопросов и без сомнений.

— А если мы откажемся, когда этот день придет? — подавала голос Анна, и ее шепот дрожал от подступающего ужаса.

Александр повернул к ней голову. В его лице не было ярости, он не тянулся к оружию и не сыпал банальными угроза-

ми расправы. Но от его спокойного тона по спине Кирилла пробежал ледяной пот.

— Вы не откажетесь, Анна, — мягко, почти ласково произнес Решала. — Потому что если это случится, ваша жизнь, жизнь вашего мужа и всех ваших немногочисленных родственников, которые еще остались в этой стране, превратится в то самое ничто. Вы потеряете способность находить работу, ваши паспорта окажутся недействительными в базах данных, любые двери закроются перед вами навсегда, а социальные службы и психиатрические лечебницы проявят к вашей семье самый пристальный, удушающий интерес. Я умею не только стирать врагов. Я умею превращать в призраков тех, кто не держит свое слово. Вы будете молить о том, чтобы вас просто заметили, но мир вокруг вас станет глухой стеной. Вы согласны на такие условия?

Кирилл посмотрел на Анну. В ее глазах читалось полное, абсолютное опустошение. Выбора не существовало. С одной стороны их ждала скорая и неминуемая зачистка от наемников из областного УВД, с другой — глухой тупик бессилия. Александр был их единственным, пусть и пугающим, шансом на возмездие.

— Мы согласны, — твердо сказал Кирилл, глядя прямо в глаза Решале. — У нас все равно ничего больше не осталось.

— Хорошо, — Александр едва заметно кивнул и достал из кармана пальто небольшой блокнот. — А теперь выложите мне всё. С самого начала. Мне нужны детали, которые вы не отправили прессе. Каждую зацепку, каждую фамилию, которую вы раскопали за эти три года.

Разговор затянулся на несколько часов, перешагнув за полночь. Кирилл и Анна, перебивая друг друга, опустошали свою память, делясь хронологией их личного расследования. Они рассказывали, как по крупичкам вытягивали информацию о подлоге строительной экспертизы, как вычисляли адреса квартир маневренного фонда, оформленных на подставных лиц и сдававшихся в аренду коммерсантам. Описали допросы Ковалева в котельной, упомянули имена посредников, которые в итоге отделались легкими испугами на суде, и назвали ключевых функционеров в комитете по архитектуре, чьи подписи стояли на финальных документах. Александр слушал, изредка делая короткие, емкие пометки карандашом и задавая точные, хирургические вопросы о банковских филиалах и личных привычках чиновников.

Когда за окном начало едва заметно сереть предрассветное небо, Александр закрыл блокнот и плавно поднялся со стула. Вся убогая обстановка кухни словно сжалась вокруг его монументальной фигуры.

— Достаточно. Картина ясна, — произнес он, надевая кожаные перчатки. — Теперь слушайте меня внимательно. С этого момента вы затихаете. Из квартиры — ни шагу. В окна не смотреть, шторы не открывать, телефонами не пользоваться, в сеть не выходить. Вы для этого мира временно перестаете существовать.

— А как же... — Кирилл запнулся, глядя на пустой холодильник.

— Продукты и все необходимое вам будут приносить мои люди, — перебил Александр, направляясь к выходу. — Дважды в день пакеты будут оставлять под дверью. Без стука и звонков. Ваша задача — сидеть тише воды и ждать. Пока вы не отвечаете, я займусь вопросом вашей безопасности и перережу те ниточки, по которым вас ищет областное УВД. Опережение — лучший способ защиты. Ждите.

Он повернул защелку замка, приоткрыл дверь, скользнул в темную прохладу лестничной клетки и бесшумно закрыл её за собой. В квартире снова воцарилась тишина, но теперь эта тишина была наполнена не парализующим страхом, а тягучим, тревожным ожиданием начала чужой, невидимой войны.

Глава 5. Мертвые души

Четыре дня в запертой квартире превратились в тягучее, липкое безвременье. Кирилл и Анна вздрагивали от каждого шороха за входной дверью — любой звук в подъезде казался им шагами палача. Раз в четыре дня, как и обещал Александр, на коврике у двери появлялись плотные черные пакеты с едой, питьевой водой и медикаментами. Все происходило в абсолютной тишине: ни голосов на площадке, ни звонков. Мир за плотными шторами продолжал гудеть, но для них он стал далеким и чужим. Психика Анны сдавала — она часами сидела на полу, методично перебирая искусственный мех плюшевого мишки, а её глаза стали совсем прозрачными от непроходящей бессонницы. Любая изоляция — это стресс, порождающий паранойю и эмоциональные качели.

На пятые сутки, ровно в три часа ночи, в дверь тихо, трижды постучали. Кирилл мгновенно подскочил с дивана, сжимая в руке кухонный нож.

— Свои, — раздался из-за двери низкий, спокойный голос.

Кирилл повернул замок. На пороге стоял Александр. На нем была все та же безупречная куртка, но взгляд казался еще более холодным. За его спиной стоял невысокий, крепко

сбитый парень в безликой спортивной одежде.

— Собирайтесь. У вас пять минут, — не здороваясь, приказал Александр, проходя в коридор. — Никаких вещей. Всё, что на вас сейчас надето — это максимум. Мобильные телефоны, старые сим-карты, записные книжки, даже ключи от прошлой жизни — всё на стол. Быстро.

— Но как же... — Анна растерянно посмотрела на свои стоптанные кроссовки. — Там наши фотографии, Настины вещи...

— Если хотите сдохнуть в подвале УВД или в камере к вечеру — оставайтесь и собирайте альбомы, — отрезал Решала. Его голос прозвучал как удар хлыста. — Движение по биллингу ваших старых номеров засекали три часа назад. Оперативники областного главка уже получили ордер. Сюда едут.

Через три минуты они спускались по темной, пахнувшей кошачьей мочой лестнице черного хода. На улице их ждал сюрприз. Вместо дорогого внедорожника Александра у обочины во дворе стояла побитая временем, неприметная трехдверная «Нива» белого цвета. Ее стекла были затянуты глухой, почти зеркальной тонировкой, сквозь которую невозможно было разглядеть салон. Кузов покрывали мелкие пят-

на ржавчины, а номера были забрызганы свежей грязью так, что читались с трудом. Типичная машина мелкого областного перекупщика или дачника.

Парень Александра сел за руль, Кирилл и Анна забрались на тесное заднее сиденье, а Александр устроился впереди. Мотор натужно, со скрипом завелся, и машина медленно покатила сквозь дворы, растворяясь в ночном дожде.

— Куда мы едем? — спросил Кирилл, прижимая к себе дрожащую Анну.

Александр обернулся с переднего сиденья. В тусклом свете приборной панели его лицо казалось высеченным из камня. Он протянул назад руку, в которой лежали два плотных прозрачных конверта.

— Ваша прошлая жизнь официально закончена. С этого момента Кирилла и Анны больше нет. В этих конвертах ваши новые паспорта, СНИЛС, ИНН, медицинские полисы и водительские права. Всё проведено по официальным базам МВД, числится в реестрах без сучка и задоринки. Новые имена, новые даты и места рождения. Теперь вы — беженцы из ближнего зарубежья, приехавшие на заработки. Кем вы были раньше — забудьте. Если хоть раз откликнетесь на старые имена — я умываю руки.

Кирилл взял конверты. Пальцы наткнулись на хрустящий ламинат новеньких документов. На фотографиях были они, но имена в графах принадлежали совершенно чужим людям. Официальные документы беженца являются полноценными документами, удостоверяющими личность на территории РФ.

— А машина? — хрипло спросил он.

— «Нива» оформлена на деда-инвалида в соседней области, который умер два года назад. Страховка без ограничений. На дорогах на нее никто не смотрит, для камер ГИБДД она — пустое место. Ключи и документы на нее в бардачке. Это ваш единственный транспорт на ближайшие полгода.

Они ехали около часа, петляя по промышленным зонам и глухим окраинам, пока не свернули в частный сектор на самой окраине города. Машина остановилась у покосившегося деревянного забора, за которым виднелся небольшой, крепкий кирпичный дом с заколоченными ставнями на окнах со стороны улицы.

— Ваше новое жилье, — Александр указал подбородком на дом. — Оформлено через цепочку подставных лиц на коммерческую структуру, которая давно банкрот. Соседи —

тихие пенсионеры. Внутри есть всё: запас консервов, крупы, вода, дрова для печи. Интернета нет и не будет. Ваша задача — сидеть здесь и изображать из себя тихих строителей-отделочников, приехавших на объект. Вопросы есть?

— Спасибо... — прошептала Анна, но её голос потонул в тяжелом вздохе.

— Не надо мне ваших спасибо, — оборвал её Решала. — Помните о цене, которую мы обсудили. Наступит день, и я приду за долгом. А теперь — на выход. Мне нужно успеть зачистить хвосты.

Они вышли из машины. Глухой стук закрывающихся дверей «Нивы» прозвучал как занавес. Александр и его водитель уехали, оставив их один на один с новой, фальшивой реальностью.

Прошло чуть больше двух часов. В убогом кирпичном доме Кирилл смог запустить старый ламповый телевизор, который поймал лишь пару местных каналов с сильными помехами. Экран рябил серыми полосами, но то, что они увидели в экстренном выпуске новостей, заставило их похолодеть.

На экране показывали их прежнюю съемную квартиру. Двор был оцеплен тяжелыми грузовиками, горели синие

проблесковые маячки. Бойцы ОМОНа в тяжелой броне слаженно выбивали окна первого этажа и штурмовали подъезд. Камера выхватила испуганное, трясущееся лицо их старого арендодателя — хозяина квартиры, который под прицелом микрофонов журналистов судорожно давал показания:

— Да, да! Они снимали у меня! Очень странные были, замкнутые! Свет почти не включали, шторы всегда задернуты! Я сразу понял, что с ними что-то не так, лица подозрительные...

Картинка сменилась строгим лицом официального представителя областного УВД.

— В ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий в рамках борьбы с экстремизмом сотрудниками правоохранительных органов совместно с бойцами ОМОН был осуществлен штурм квартиры по адресу... Находившиеся там лица успели скрыться за пару часов до начала операции. При обыске помещения были обнаружены компоненты для сборки самодельного взрывного устройства, экстремистская литература и чертежи административных зданий города. Возбуждено уголовное дело. Данные граждане объявлены в федеральный розыск. Их фотороботы и прежние анкетные данные разосланы во все посты и отделения страны. По оперативной информации, подозреваемые представляют край-

ною опасность...

Кирилл медленно опустился на колченогий табурет перед экраном. Рука Анны, сжимающая его плечо, задрожала так сильно, что он едва удерживал её.

— Экстремисты... — выдохнула Анна, и её диалог с реальностью окончательно превратился в истерический, тихий смех. — Они сделали из нас террористов, Кирилл! Подбросили взрывчатку! Инсценировка преступления — излюбленный метод дезинформации и фабрикации дел. Они не просто развалили дело Ковалева... они уничтожили наши настоящие имена, превратили нас в чудовищ, которых любой патрульный имеет право застрелить при задержании!

— Система сработала идеально, — Кирилл обнял её за талию, прижимая к себе. Его голос был сухим, как пустыня. — Власть имущие подстраховались. Теперь, даже если мы попытаемся снова опубликовать какие-то документы, нам никто не поверит. Скажут, что это диверсия террористов, беглых преступников. Александр был прав. Нас разминуло с ними всего два часа. Если бы не он — мы бы сейчас лежали лицом в пол с подброшенным тротилом в карманах.

— Мы в ловушке, Кирилл... Мы мертвы для всех, кто нас знал, — Анна уткнулась лицом в его грудь, её плечи су-

дорожно вздрагивали. — У нас нет дома, нет имен. Наша дочь лежит на кладбище под чугунной плитой, а её родители — беглые преступники в федеральном розыске. За что нам это?! За то, что мы хотели правды?!

Кирилл молча смотрел на экран, где блеклые, зернистые фотографии их прошлых паспортов сменяли друг друга под зловещую музыку заставки новостей. Внутри него, на месте выжженного страха, кристаллизовалась ледяная, абсолютная пустота. Они потеряли всё. Личности обнулены. Но именно теперь, когда им больше нечего было терять, у них остались новые имена, старая тонированная «Нива» во дворе и Александр, который прямо сейчас начинал свою невидимую, разрушительную работу против тех, кто сидел в зашторенных кабинетах областной администрации.

Глава 6. Петля на чужих шеях

В маленьком, Богом забытом кирпичном доме на самой окраине частного сектора время не просто остановилось — оно превратилось в густую, парализующую субстанцию. Ощущение зыбкой безопасности, подаренное новыми фальшивыми паспортами и толстыми стенами их временного убежища, безжалостно таяло с каждым новым шорохом за заколоченными ставнями. Из старого лампового телевизора, чей экран непрерывно рябил серыми полосами помех, ли-

лась монотонная, пугающая хроника их собственной гибели как законопослушных граждан. Система, не сумевшая захватить Кирилла и Анну в ту злополучную ночь в торговом центре, когда цифровой приговор улетел по инстанциям, теперь планомерно, с холодной государственной жестокостью выжигала всё осязаемое пространство вокруг их прошлых жизней.

Прессинг начался внезапно, одновременно, словно по единому щелчку невидимого режиссера. В один и тот же предрассветный час, когда город сковала глухая предзимняя стужа, по всем адресам их родственников, дальних знакомых и немногих оставшихся друзей прошлись катком. В панельной хрущевке родителей Кирилла и в скромной квартире пожилой матери Анны перевернули вверх дном абсолютно всё, до чего могли дотянуться руки в тяжелых тактических перчатках. Оперативники областного главка, подстегиваемые колоссальным давлением сверху и собственным уязвленным самолюбием из-за того, что подозреваемые ушли у них прямо из-под носа, действовали демонстративно, подчеркнуто грязно. Они швыряли на пол старые семейные фотоальбомы, вытряхивали содержимое кухонных шкафов прямо на линолеум, выламывали паркетные доски в коридорах и потрошили мягкую мебель, превращая некогда уютные жилища в разгромленные, оскверненные коробки.

Обыски с первой же секунды сопровождались резкими, раздраженными криками бойцов ОМОНа, которые тяжелыми берцами выбивали межкомнатные двери и вжимали испуганных, ничего не понимающих стариков лицами в пол.

— Лежать! Руки за голову! Где эти твари?! — надрывался рослый оперативник в маске, нависая над дрожащей, плачущей матерью Анны, пока двое других бойцов с грохотом вываливали на кровать содержимое комода вместе с её немногочисленными лекарствами. — Пойми ты, дура старая, твоя дочь и её муженек — экстремисты! Они террористы, понимаешь ты своей головой?! Они в центре города тротил держали, бомбу собирали! Если будешь молчать и покрывать их, пойдешь по статье за соучастие и укрывательство! Тебя не в больницу отсюда повезут, а на нары, до конца твоих дней! Слышишь меня?! Отвечай, куда они уехали?! Кто им помогал?!

Но они не знали. Ни родители, ни старые коллеги по работе действительно не имели ни малейшего, даже самого смутного представления о том, где сейчас находятся Кирилл и Анна. Их прошлая жизнь оборвалась на пороге того злополучного интернет-кафе, и эта искренняя, звенящая от первобытного ужаса неизвестность в глазах близких лишь сильнее бесила силовиков. Допросы на местах затягивались на долгие, изнурительные часы, плавно перетекая в изощрен-

ные психологические пытки. Друзей Кирилла по строительному цеху вызывали в управление по очереди, без повестки, удерживая в душных кабинетах до глубокой ночи. Им открыто угрожали полным уничтожением бизнеса, внезапными проверками налоговой, немедленным увольнением жен и уголовными делами за финансирование экстремистской деятельности. Страх, липкий и всепроникающий, за несколько недель полностью пропитал их прежнее окружение, заставляя даже самых верных, проверенных годами товарищей в глубине души молиться об одном: лишь бы Кирилл и Анна никогда больше не вышли с ними на связь, лишь бы их имена навсегда исчезли из телефонных книг.

Прошло два долгих, изнуряющих месяца. Вся область была буквально задушена ориентировками, а в ведомственных базах данных МВД старые паспортные данные героев светились тревожным, кроваво-красным цветом. Качели качнулись в обратную сторону с такой силой, что дышать в четырех стенах убежища становилось физически трудно.

Александр вошел в дом глубокой ночью, как всегда, без единого звука, словно соткавшись из морозного тумана частного сектора. Он медленно снял кожаные перчатки, аккуратно стряхнул крупные капли ледяного дождя с воротника своего неизменного дорогого пальто и бросил на Кирилла тяжелый, оценивающий взгляд.

— Они перевернули весь ваш прошлый мир, — негромко, со свинцовой размеренностью произнес Александр, присаживаясь на край колченогого деревянного стола. — Ваша наружка работает круглосуточно. Телефоны всех, с кем вы здоровались за последние пять лет, стоят на жестком контроле и постоянной записи. В аппарате правительства области и комитете по архитектуре торопят следствие. Им нужен результат, им нужны ваши трупы или показательный процесс, где вас закроют в «Черном дельфине» до конца дней, чтобы навсегда похоронить саму мысль о том, что систему можно укусить за хвост. Любая ваша попытка подать знак близким, любой случайный звонок с левой сим-карты — это мгновенный финал для всех.

Кирилл, сидевший на низком табурете у остывающей печи, судорожно сжал в кулаке свой новый паспорт на чужое, безликое имя беженца. Его лицо осунулось, глаза запали, а внутри клокотала ярость, смешанная с глубоким отчаянием.

— Мы не можем просто сидеть здесь и гнить, пока они ломают жизнь нашим матерям! — сорвался Кирилл на глухой, вибрирующий от боли полусшепот. Он вскочил, меряя шагами тесную комнату. — Они ведь ни в чем не виноваты! Это мы... это я затащил Ковалева в подвал! Это я отправил те файлы! Почему старики должны расплачиваться за то, что

ублюдки в министерских кабинетах хотят спасти свои шкуры?! Александр, вы ведь обещали, что решите вопрос безопасности!

Решала дождался, пока Кирилл выдохнется, и лишь тогда медленно, с пугающим спокойствием достал из внутреннего кармана пальто три вытянутых бумажных бланка. Это были распечатки электронных железнодорожных билетов РЖД.

— Именно поэтому я здесь, Кирилл, — тихо ответил Александр, и его голос заставил Анну в углу комнаты вздрогнуть и сильнее прижать к себе потрепанного плюшевого мишку. — Система — это огромный, слепой механизм. Она не умеет думать абстрактно. Она ищет логику, закономерности, понятные её кураторам схемы. Сейчас они уверены, что вы зажаты в углу внутри области и вот-вот сделаете ошибку. Значит, нам нужно сломать их алгоритм. Мы дадим им то, что их голодные оперативники сожрут без остатка.

Он методично выложил бланки на стол под тусклый, желтоватый свет голой лампочки.

— Твои старые документы и документы Анны уже два месяца находятся в стоп-листах всех транспортных систем страны. Как только по ним совершается любое действие, в дежурной части главка загорается тревожный маяк. Три

дня назад мой человек в Екатеринбурге нашел правильного дроппера. Парень — конченный наркоман, готовый за дозу и сто долларов продать родную мать, но с чистыми пальцами и нужным типом внешности. Под принудительным при-
смотром моих людей этот дроппер, используя терминалы самообслуживания на вокзале, где камеры слепы из-за ремонта, умудрился провести операцию. Он вбил ваши старые паспортные данные и выкупил билеты на три совершенно разных, противоположных направления.

Александр постучал длинным ухоженным пальцем по распечаткам:

— Первый билет — поезд Москва — Владивосток, отправление через Урал. Второй — состав, уходящий на юг, до Адлера. Третий — транзитный поезд в сторону границы с Казахстаном. Все три билета куплены на даты с разницей в несколько часов. Для следственного комитета это будет выглядеть как паническое, хаотичное бегство экстремистов, которые почуяли хвост и бросились врассыпную, пытаюсь затеряться в плацкартных вагонах на просторах страны.

Кирилл подошел к столу, всматриваясь в отпечатанные буквы их прежних имен, которые теперь казались надписями на могильных плитах.

— Но это же безумие... — хрипло выдохнул он, поднимая глаза на Александра. — Силовики ведь не идиоты. Они проверят камеры на вокзале Екатеринбурга, увидят, что билеты покупал один и тот же человек, и поймут, что это фальшивка. Что это ложный след!

— Разумеется, поймут, Кирилл, — Александр едва заметно, леденяще усмехнулся, пряча руки в карманы пальто. — Они поймут это. Но только через двое или трое суток, когда сопоставят видеозаписи, проведут экспертизы и допросят кассиров. А в нашем деле двое суток — это вечность. Завтра утром, как только данные о покупке билетов упадут в общую сеть МВД, у них начнется полноценная штабная истерика. Они будут обязаны отреагировать мгновенно, потому что упустить «опасных террористов» на железной дороге — это крах для руководства главка. Они стянут туда все силы, которые сейчас топчут пороги ваших родственников. Давление здесь, в городе, ослабнет. Охотники побегут ловить призраков. А пока они будут штурмовать пустые вагоны, земля под комитетом по архитектуре начнет медленно превращаться в болото. Сидите тихо. Наружу — ни ногой.

Утро следующего дня началось для силовых ведомств трех крупных регионов с экстренного сигнала тревоги. Ловушка Александра захлопнулась с ювелирной точностью. В транспортные управления МВД и линейные отделы поли-

ции Ростова, Челябинска и Казани поступили зашифрованные спецсообщения из областного центра: «Подозреваемые в экстремизме, находящиеся в федеральном розыске, выкупили проездные документы и находятся на маршрутах следования».

То, что произошло дальше, напоминало масштабную военную операцию в мирное время. Руководство на местах, боясь упустить столь громкую «добычу» и распределить ответственность, приняло решение действовать с максимальной жесткостью, стянув к ключевым узловым станциям колоссальные ресурсы.

На перроне вокзала в Челябинске, куда должен был прибыть поезд в сторону Владивостока, облава началась за час до подхода состава. Территорию станции полностью оцепили три кольца оцепления. Десятки бойцов ОМОНа в тяжелой противопульной броне, шлемах с опущенными забралами и с укороченными автоматами наперевес перекрыли все выходы с платформ, подземные переходы и привокзальную площадь. Пассажиров, ожидавших свои поезда, грубо оттесняли к стенам вокзала, требуя убрать телефоны и не снимать происходящее. Воздух звенел от лая служебных собак, которых кинологи в камуфляже водили вдоль путей.

Как только многотонный пассажирский состав со скрипом

остановился у первой платформы, штурмовые группы ворвались в вагоны одновременно с двух сторон.

— Всем оставаться на своих местах! Руки на столы! Телефоны из рук, быстро! — разносились по узким проходам плацкарта зычные, сорванные крики командиров групп задержания.

В вагоне номер четыре, на который указывала оперативная ориентировка, началась настоящая паника. Напуганные люди вжимались в полки, дети плакали. Бойцы ОМОНа, действуя по жесткому протоколу задержания особо опасных преступников, выволокли из купе случайного парня, чьи черты лица в полумраке вагона показались им похожими на фоторобот Кирилла. Его швырнули лицом в проход, заломили руки за спину так, что хрустнули суставы, и в наручниках, под улюлюканье раций выволокли на морозный воздух перрона. Лишь через три часа жесткого допроса в линейном отделении выяснилось, что задержанный — обычный студент-инженер, возвращавшийся к родителям на каникулы, а его документы не имеют никакого отношения к беглецам.

Точно такая же картина разворачивалась в это же время на южном направлении под Ростовом и на пропускном пункте в сторону Казахстана. Силовики устроили тотальные, беспрецедентные облавы, задействовав сотни сотрудников

патрульно-постовой службы, оперативников ФСБ и бойцов спецподразделений. В Казани из-за проверки транзитного поезда расписание движения на ветке было полностью сорвано, вокзал оцепили бронетехникой, а на дорогах вокруг города выставили усиленные посты ГИБДД с автоматчиками, которые досматривали каждую закрытую фуру и легковую машину с иногородними номерами.

Информационное пространство содрогнулось от слухов о «масштабной спецоперации по поимке беглых подрывников». Все силы ведомств, вся их хваленая аналитическая машина были парализованы и брошены на отработку фантомного следа, который Александр сотворил руками екатеринбургского дроппера.

В убогом кирпичном доме на окраине Кирилл и Анна смотрели на этот хаос сквозь призму дребезжащего, покрытого серой пылью экрана телевизора. Местный новостной блок захлебывался от экстренных включений с вокзалов. Картинка сменялась кадрами бегущих людей в камуфляже, оцепивших перроны, мельканием синих проблесковых маячков и сухими комментариями официальных представителей ведомств, заявлявших, что «ситуация находится под полным контролем, а следственные действия продолжают-ся».

Анна сидела на краю старого матраса, уткнувшись подбородком в колени. Её пальцы медленно, судорожно поглаживали грязное ухо плюшевого мишки. Её тихий, надломленный диалог с самой собой наконец прорвался наружу, превращаясь во фрагментарные, полные боли фразы:

— Они ищут нас везде, Кирилл... Поезда, автоматы, собаки. Из-за нас людей швыряют на бетон. Весь мир сошел с ума. Мама... они ведь оставят её в покое теперь, правда? Они уехали от её дома? Они все там, на перронах?

Кирилл подошел к ней, опустился на колени прямо на грязный дощатый пол и крепко, до боли обнял её за худые, вздрагивающие плечи. Его взгляд, устремленный на экран, где ОМОН штурмовал очередной пустой вагон, был ледяным и абсолютно пустым. Страх внутри него окончательно выгорел, оставив лишь тяжелую, монолитную решимость.

— Оставят, Ань. Оставят, — тихо, но со свинцовой тяжестью в голосе произнес он, прижимая её к своей груди. — Александр прав. Пока они бегают с автоматами по вокзалам и ловят воздух, они не смотрят на свои тылы. Они думают, что победили нас, уничтожив наши имена и сделав экстремистами. Но они ошиблись. Они дали нам самое страшное оружие — нам больше абсолютно нечего терять. У нас нет прошлого, нет лиц, нет дома. Мы — мертвые души. И теперь

наша очередь смотреть, как их сытая, чиновничья жизнь начнет рассыпаться в прах.

За окном кирпичного дома медленно сгущались тяжелые зимние сумерки. Белая, грязная «Нива» во дворе стояла недвижимым изваянием под навесом из старого шифера, готовая к своему часу. Ложный след сработал идеально, стянув все силы преследователей в гигантский, бессмысленный тупик, а в зашторенных кабинетах комитета по архитектуре и градостроительству области еще никто не знал, что петля Александра уже брошена на их холеные, неприкасаемые шеи.

Глава 7. Белый шум

Прежде чем нанести первый удар, Александр превратился в бесплотную тень, скользящую по периметру жизни Владислава Николаевича Линдмаха. Председатель областного комитета по архитектуре и градостроительству жил на широкую ногу, но с той чиновничьей осторожностью, которая выработалась у него за пятнадцать лет сидения в теплых креслах. Александр не спешил. Целую неделю он методично собирал мозаику из повседневных привычек чиновника: фиксировал тайминг его выезда из загородного особняка, изучал маршруты служебной черной «Тойоты Камри», просчитывал окружение и круг контактов в аппарате правительства.

Александр узнал всё. Он знал, в каком фитнес-клубе Линдмах проводит вечера вторника, с кем из застройщиков ужинает по четвергам и на каких скрытых счетах оседают миллионные откаты от аренды городского маневренного фонда. Когда массив информации стал исчерпывающим, Решала решился на изощренный, хирургический фарс.

Ночь на пятницу выдалась глухой и безлунной. Служебная «Камри» Линдмаха, сверкающая заводским лаком, стояла во дворе элитного жилого комплекса под охраной слепых зон камер видеонаблюдения, которые люди Александра технично вывели из строя на тридцать минут. Александр действовал сам. Вскрытие сложного электронного замка новой «Тойоты» заняло у него не более двух минут. Бесшумно скользнув в пахнувший дорогой кожей салон, он протянул руку под водительское кресло. Туда, в глубокую пластиковую нишу между салазками, легли три плотных, герметично запаянных полиэтиленовых зип-лока. Внутри ровными кристаллами поблескивал мефедрон. Двенадцать граммов, аккуратно расфасованные по чекам — идеальная улика, не оставляющая сомнений в умысле на сбыт. Дверь захлопнулась с едва слышным щелчком. Наживка была насажена.

Ровно в восемь тридцать утра следующего дня, когда Владислав Николаевич, потягивая остывающий кофе на заднем сиденье, лениво листал рабочие отчеты, служебный автомо-

билль выехал на центральный проспект. В эту же секунду из таксофона на окраине города ушел анонимный, сухой сигнал на горячую линию регионального управления ФСБ. Голос в трубке, измененный аналоговым скремблером, назвал точную марку, цвет, госномер машины и время, сообщив, что в черной «Камри» прямо сейчас перевозится особо крупная партия синтетических наркотиков.

План Александра сработал как швейцарские часы. На перекрестке возле площади Ленина дорогу «Тойоте» заблокировали сразу два тяжелых внедорожника без опознавательных знаков. Спецрота ДПС действовала в жестком взаимодействии с оперативниками ФСБ. Линдмаха и его ошарашенного водителя выволокли на асфальт под прицелом автоматов.

— Вы с ума сошли?! Вы знаете, кто я?! — визжал Линдмах, пока его холеное лицо прижимали к пыльному капоту служебного авто. — Я председатель комитета! Звоните губернатору!

Но силовики были глухи. Прибывшая на место собака кинологической службы мгновенно сделала стойку у водительской двери. Спустя десять минут под вспышки камер эксперта-криминалиста из-под сиденья были извлечены те самые зип-локи. Вес оказался не особо крупным, но двена-

дцать граммов расфасованного мефедрона в служебной машине чиновника — это был готовый состав тяжелой уголовной статьи. Линдмаха доставили в изолятор временного содержания, но это было лишь предисловием к его персональному аду.

Пока ошеломленный чиновник сидел на первом допросе в окружении бледных адвокатов, Александр приступил ко второй фазе. В элитной пятикомнатной квартире Линдмаха на верхнем этаже престижного дома вспыхнул пожар. Короткое замыкание в распределительном щитке, организованное людьми Решалы, превратилось в яростное пламя за считанные минуты. К дому с воем подкатили три расчета МЧС. В начавшейся суматохе, едком дыму и грохоте ломающихся дверей никто не обратил внимания на подтянутого пожарного в тяжелой брезентовой робе и кислородной маске, который зашел в охваченный огнем кабинет чиновника одним из первых.

Пользуясь дымовой завесой и паникой, Александр вытащил из-за пазухи плотную пластиковую папку и бросил ее на уцелевший край дубового стола, слегка обдав водой из брандспойта, чтобы создать видимость того, что вещь находилась здесь изначально. Внутри папки лежал детальный, уничтожающий компромат на всех ключевых коллег Линдмаха по аппарату правительства и его близких друзей-за-

стройщиков: скрытые записи их разговоров, расписки, теневые бухгалтерские проводки по коммерческой аренде маневренного фонда и схемы распределения участков под застройку, где Линдмах якобы вел двойную игру и собирал досье на своих покровителей, чтобы сдать их в случае опасности.

Следователи МЧС и оперативники правоохранительных органов нашли папку при разборе завалов. Узнав, какие фамилии и цифры фигурируют в уцелевших листах, руководство главка приняло решение, продиктованное шкурным интересом: содержимое папки немедленно передали тем, на кого этот компромат был собран. Элита города содрогнулась. По правительственному кварталу пополз ядовитый слух: Линдмах — крыса, которая годами копала под своих, чтобы спасти собственную шкуру.

В ту же ночь вокруг председателя комитета началась яростная, удушающая травля. Вчерашние друзья, вице-губернатор и коллеги по аппарату, ополчились на него с первобытной агрессией. Защита, которую ему обещали лучшие юристы области, испарилась в один миг. Никто не хотел помогать человеку, который держал нож за спиной каждого из них.

Пользуясь своими теневыми связями, Александр дал

мощный ход информации в СМИ и независимые интернет-паблики. Сеть заполнили фотографии задержания Линдмаха и сканы оперативных сводок с заголовками о «наркотиках в министерской машине». Давление общественности достигло пика. Федеральный центр, напуганный новым витком регионального скандала, потребовал показательной порки.

Федеральная служба безопасности, видя полное отсутствие защиты у чиновника и яростную агрессию в его адрес со стороны бывших друзей, раскрутила дело на полную мощность. Следователи направили запросы во все российские и зарубежные банки, инициировав тотальную проверку вкладов и имущества семьи Линдмах. Результат оказался разгромным. Председатель комитета не смог отчитаться по доходам, происхождение которых явно превышало его официальный заработок за сто лет вперед.

Суд сработал молниеносно. Вся недвижимость, загородные дома, элитные квартиры, автопарк и многомиллионные счета Владислава Николаевича Линдмаха были арестованы и обращены в пользу государства. Из влиятельного, неприкасаемого хозяина города он за две недели превратился в презируемого всеми, брошенного покровителями подследственного в серой робе, у которого не осталось ничего, кроме перспективы провести следующие двенадцать лет в коло-

нии строгого режима.

В маленьком кирпичном доме на окраине Кирилл и Анна молча смотрели на экран телевизора. Местный диктор с трудом скрывал торжество в голосе, зачитывая список конфискованного имущества Линдмаха.

— Это он... — Анна медленно повернула голову к Кириллу, и на ее бледном лице впервые за два месяца проступило что-то похожее на слабую, пугающую улыбку. — Это Александр. Он стёр его. За две недели он сделал из него ничего зэка.

Кирилл подошел к окну, осторожно отодвинул край плотной шторы и посмотрел во двор, где под навесом стояла старая белая «Нива». В его груди больше не было ликования — только холодное, осязаемое понимание того, какую страшную силу они впустили в свою жизнь. Александр выполнял свою часть пакта с пугающим, безупречным изяществом. Первое звено в цепи тех, кто похоронил их дочь, лопнуло со страшным треском, но впереди был аппарат правительства и сам губернатор, а значит, эта бескровная, выжигающая жизни война только начиналась.

Глава 8. Кадровый гамбит

Политическая система напоминает глубоководный организм: когда на глубине взрывается одна из ячеек, вся туша не погибает, а лишь судорожно сжимается, перераспределяя внутреннее давление. Крах Владислава Линдмаха, чье имя еще вчера ассоциировалось с абсолютной коммерческой непотопляемостью, парализовал правительственный квартал на площади Ленина. Пожар в его элитной квартире и мейфедрон под сиденьем служебной «Камри» обсуждали шепотом во всех курилках аппарата правительства. Но настоящим подрывным зарядом стала та самая уцелевшая пластиковая папка. Слух о том, что председатель комитета по архитектуре годами собирал досье на своих же коллег, чтобы в случае опасности выторговать себе свободу в Москве, превратил вчерашних соратников в стаю испуганных, ошетинившихся волков. Атмосфера в кабинетах Минстроя и Минфина области сделалась удушливой. Чиновники высшего ранга перестали пользоваться служебной связью, по несколько раз в день проверяли свои автомобили на наличие посторонних предметов и с пугающей подозрительностью оглядывали даже давних секретарей.

В субботу вечером в закрытой загородной резиденции губернатора, скрытой за трехметровым глухим забором среди вековых сосен, горели окна малого конференц-зала. В воздухе висел плотный сизый дым от дорогих сигар, смешивающийся с запахом крепкого кофе. За длинным столом из мо-

реного дуба сидели трое: сам губернатор — подтянутый, с аккуратной сединой и усталыми, жесткими глазами, вице-губернатор по внутренней политике Олег Воронов и приглашенный из столицы политтехнолог Марк Шейн, чье лицо казалось безжизненной, лощеной маской.

— Рейтинги упали на четырнадцать пунктов за десять дней, — Шейн небрежно бросил на полированную поверхность стола планшет с графиками социологических опросов. — Тренды отвратительные. В кулуарах Старой площади открыто говорят, что регион стал токсичным. Сначала труп Ковалева в камере и этот бред с экстремистами на поездках, теперь Линдмах с наркотиками и каким-то мифическим архивом компромата. До выборов в следующем году осталось меньше десяти месяцев, Владислав Игоревич. Если мы прямо сейчас не перехватим повестку, федеральный центр согласует на ваше место варяга. Инфополе сейчас работает жестче, чем ОМОН. Если вас там умножат на ноль, реальные уголовные дела — лишь вопрос времени.

Губернатор медленно повернул массивный перстень на пальце, глядя в темное окно, где дождь хлестал по стеклу. Его голос прозвучал тихо, но в нем отчетливо слышался металл:

— Линдмах — дурак. Столько лет кормился с маневрен-

ного фонда, закрывал глаза на аварийные дома, а погорел на банальной синтетике. Кто бы ни подбросил ему эту папку с документами, он знал, куда бить. Система не прощает слабости, Олег, — он перевел ледяной взгляд на вице-губернатора. — Ты координировал зачистку после Ковалева. Почему всплыл этот компромат? Кто копает под нас?

Воронов судорожно сглотнул, его холеное лицо покрылось мелкой испариной. Он торопливо расстегнул верхнюю пуговицу дорогой сорочки.

— Владислав Игоревич, мы перевернули всё, — заговорил он, активно жестикулируя. — Обыски прошли у всех родственников тех беглых строителей, Кирилла и Анны. Их старые паспорта выстрелили в Екатеринбурге, оперативники перерыли три поезда дальнего следования, подняли линейные отделы в трех областях. Но это был воздух. Чистый фантом. Линдмаха вели профессионалы высокого уровня. ФСБ зацепилось за анонимный звонок, а пожар в квартире МЧС признало поджогом лишь неофициально — официально там замыкание проводки. В аппарате паника. Люди боятся идти на работу. Если мы не дадим им кость, они начнут сливать информацию в Москву самостоятельно, чтобы прикрыть собственные тылы.

Политтехнолог Марк Шейн тонко, цинично улыбнулся,

прикуривая новую сигарету.

— Вот именно поэтому, Олег Юрьевич, мы не будем оправдываться, — произнес он, выпуская струю серого дыма к высокому сводчатому потолку. — Оправдания в современной политике — это признание вины. Нам нужна большая, показательная кровь в кадровом поле. Очищение рядов. Губернатор должен возглавить эту борьбу, а не отбиваться от нее. Если инфополе требует виновных, мы назначим их сами. Владислав Игоревич, завтра утром вы объявляете о масштабной кадровой перезагрузке.

Губернатор прищурился, вникая в суть комбинации.
— Кого сдаем?

— Министра строительства и ЖКХ — в первую очередь, — методично загибал пальцы Шейн. — Он давно просился на пенсию, вот и уйдет «в связи с утратой доверия» и из-за недостаточного контроля за подчиненными. Следом отправляем в отставку весь руководящий состав комитета по архитектуре — тех, кто сидел под Линдмахом. Покажем общественности, что мы выжигаем заразу каленым железом. Запускаем масштабную пиар-кампанию. С завтрашнего дня во всех региональных и подконтрольных федеральных СМИ выходит серия материалов о вашей «бескомпромиссной войне с наследием коррупционеров». Вы лично берете под кон-

троль расселение всех аварийных домов в области. Мы перебьем негатив Линдмаха картинкой вашей жесткости.

— А уголовные дела против отставников? — хмуро спросил вице-губернатор. — Они ведь могут заговорить на допросах в ФСБ.

— Не заговорят, — отрезал губернатор, поднимаясь со своего кресла. Его монументальный силуэт заслонил свет от люстры. — Они получают свои выходные пособия, сохраняют часть активов через подставные фирмы и тихо уедут в Краснодарский край или Крым. Те, кто помоложе, переждут бурю в коммерческих структурах наших застройщиков. Главное — убрать их с глаз долой из инфополя. Сделай так, чтобы пресса подала это как мою личную инициативу по наведению порядка. Качели должны пойти вверх. А тех двоих... Кирилла и Анну... продолжайте искать. Ложный след с поездами доказывает, что у них есть серьезный куратор. И этот куратор сидит где-то здесь, в городе.

Пока в загородной резиденции перекраивали политическую карту области, в глухом частном секторе на окраине Кирилл и Анна заново учились дышать в условиях абсолютной изоляции. Продукты им теперь приносили строго раз в четыре дня — глубокой ночью безликий курьер Александра оставлял тяжелые черные пакеты на пороге и растворялся в

темноте. Отрезанность от мира и постоянное ожидание новостей давили на психику, порождая затяжные, изнурительные эмоциональные качели.

Старый ламповый телевизор, чей кинескоп то и дело исходил серыми полосами, стал их единственным окном в реальность. В понедельник утром трансляция местных новостей началась с экстренного брифинга губернатора. Кирилл стоял посреди комнаты, сжимая в руке топор для колки дров, и не мигая смотрел на экран.

Губернатор говорил уверенно, рубил воздух ладонью, его лицо выражало праведный, государственный гнев:

— ...События последних недель показали, что в ряде ключевых ведомств области завелись оборотни, потерявшие всякую связь с реальностью и долгом перед гражданами, — чеканил глава региона с трибуны. — Мною принято жесткое, бескомпромиссное решение. Сегодня в отставку в полном составе отправлено руководство комитета по архитектуре и градостроительству. Министр строительства освобожден от занимаемой должности. Я заявляю: неприкасаемых в нашей области нет и не будет. Впереди у нас — большая работа по очистке системы, и я лично проконтролирую каждый рубль, выделенный на расселение аварийного фонда...

Анна медленно подошла к Кириллу со спины, аккуратно прижимая к груди плюшевого мишку с серыми нитками на ухе. Её глаза, воспаленные от хронического недосыпа, лихорадочно блестели.

— Смотри, как он выкрутился, — тихо, со свистом произнесла она, и её шепот был полон черной, невыплаканной горечи. — Он сдал своих пешек, Кирилл. Линдмаха посадили, министра выгнали... Губернатор делает из себя спасителя, героя в белом плаще. Скоро выборы, и он просто стирает грязь со своего костюма чужими руками. Наша месть... она снова буксует. Система просто переставила фигуры на доске и продолжает играть.

Кирилл медленно опустил топор на пол, его челюсти плотно сжались, а на бледных щеках заиграли желваки.

— Это не его игра, Ань, — глухо ответил он, поворачиваясь к ней. — Это кулуарные игры. Расчетливая, жестокая система. Они думают, что если уберут из инфополя пару лиц и напечатают красивые статьи в газетах, то всё закончится. Но они не понимают, что Александр еще даже не начинал бить по крупной рыбе. Чиновники думают, что инфополе — это их личное оружие, их пиар-игрушка. Но пиар не спасет их, когда Александр начнет вытаскивать фундамент из-под ног самого губернатора.

В этот момент дверь дома без единого звука приоткрылась, впустив внутрь морозный воздух и тяжелый запах дорогого парфюма. На пороге стоял Александр. На его сером пальто не было ни единой пылинки, а взгляд оставался пугающе спокойным. Он окинул взглядом рябящий экран телевизора и едва заметно, леденяще улыбнулся.

— Посмотрели утренний спектакль? — негромко спросил Решала, проходя к столу и снимая кожаные перчатки. — Наш губернатор Владислав Игоревич решил разыграть кадровый гамбит. Классический ход из учебников по политическим технологиям. Когда горит дом, нужно выбросить в окно самую дешевую мебель, чтобы спасти сейф с золотом. Но он совершил главную ошибку — поверил, что его пиар-кампания сможет заглушить белый шум, который я для него приготовил. Пусть празднует отставки. Нам это только на руку. Настороженность системы сейчас сменится ложным чувством безопасности. Они думают, что перехватили повестку. А значит, пришло время для второго удара, который они уже не смогут просчитать. Сидите тихо. Ваша «Нива» во дворе еще ждет своего часа.

Он повернулся и так же бесшумно исчез в зимних сумерках частного сектора, оставив Кирилла и Анну один на один с гулом старого холодильника и тяжелым, вибрирую-

щим ощущением того, что большая кулуарная война современной политической машины только начинает разворачиваться на полную мощность.

Глава 9. Эрозия душ

Зима напознала на окраину города лениво, укрывая грязные заборы частного сектора тяжелым, серым саваном. Внутри кирпичного дома дни потеряли четкие очертания. Время измерялось не часами, а глухими ударами поленьев в печи и глухим гулом старого холодильника, который в звенящей тишине казался надрывным человеческим стоном. Продукты приносили строго раз в четыре дня, глубокой ночью. Кирилл научился угадывать этот момент беззвучно: едва заметный скрип калитки, глухой шорох пластика на крыльце, и снова — пустота. Александр больше не появлялся. Он словно растворился в том самом белом шуме, который сам же и создал в правительственных кабинетах.

Именно в этой абсолютной, вакуумной изоляции Кирилла и Анну настигли самые страшные эмоциональные качели. Когда внешняя суeta и необходимость бежать исчезли, их внутренний мир начал стремительно, необратимо плавиться, обнажая выжженную пустыню. Им пришлось жить этой мезьей, и она, словно ненасытный паразит, начала медленно поедать их изнутри, вытесняя все прежние человеческие

чувства. Каждое известие из телевизора — арест Линдмаха, громкие отставки в комитете по архитектуре, панические пиар-кампании губернатора — вместо долгожданного облегчения приносило лишь новую порцию удушливой тревоги.

— Ты заметил, как мы об этом говорим? — Анна сидела на полу у печи, тусклый свет углей окрашивал её осунувшееся лицо в багровые тона. Она вяло крутила в руках плюшевого мишки, чье пришитое серыми нитками ухо уже совсем обтрепалось. — Мы радуемся не тому, что справедливость торжествует. Мы радуемся тому, что кому-то там, в их шелковых галстуках, сейчас так же страшно, как было нам. Мы ведь ломаем их, Кирилл. Но почему внутри меня от этого ничего не оживает? Где та легкость, о которой мы мечтали, когда выбивали из Ковалева признания на диктофон в котельной?

Кирилл сидел напротив, методично, до боли в суставах растирая ладони. Его глаза, глубоко запавшие и окруженные черными тенями, лихорадочно блестели в полумраке.

— Легкости не будет, Ань, — глухо, надтреснуто произнес он. — Мы с самого начала знали, на что шли. Система — это не абстрактное здание на площади. Это люди. Нам приходится идти до конца по этой грязной дороге, подчиняясь жестким условиям Александра. Ты хочешь, чтобы ублюдки,

которые сдавали маневренный фонд под коммерческие склады и подписывали липовые экспертизы, просто ушли на пенсию с миллионами? Нет. Они должны сожрать друг друга. Мы обязаны довести это до конца. Ради Насти.

— Ради Насти? — Анна резко подняла голову, и в её глазах, полных невыплаканных слез, прорезалась страшная, дикая искра. — Ты думаешь, ей там, под чугунной плитой, легче от того, что Линдмаха повезут в лагерь? Кирилл, мы стираем свои собственные лица! У меня в кармане паспорт на имя чужой женщины. Я смотрю в зеркало и не понимаю, кто на меня глядит. Месть не возвращает погибших. Она просто делает нас такими же мертвыми, как они. Мы превращаемся в тени, в мертвые души. С каждым шагом этой невидимой войны я чувствую, как внутри меня умирает последнее человеческое.

— Значит, пусть умирает! — Кирилл сорвался на хриплый, сдавленный крик, вскакивая с места. Он ударил кулаком по деревянному косяку, так что сверху посыпалась сухая штукатурка. — Пусть умирает всё, если цена этой правды такова! Я готов стать чудовищем, готов быть террористом в их новостях, лишь бы увидеть, как губернатор будет ползать на коленях, когда Александр заберет у него всё. У нас нет пути назад, Анна. Пойми ты это своей больной головой! Если мы остановимся — нас раздавят и забудут. Нас уже объявили

экстремистами. Мы для этого мира — дичь. Единственное, что держит меня на плаву — это жажда расправы. Полной. Безусловной. Уничтожить их всех как личности. Чтобы они дышали, но были трупами.

Диалоги-рассуждения затягивались до рассвета, превращаясь в бесконечный, изнуряющий бег по кругу. Психологический элемент мести работал безжалостно: подтачивал их изнутри, разрушал остатки той духовной связи, которая держала их вместе после гибели дочери. Они начали отдаляться, замолкая на целые часы и боясь смотреть друг другу в глаза, словно каждый видел в партнере отражение своего собственного падения.

Триггером послужила дата. Двадцать пятое ноября — день рождения Настеньки. Ей должно было исполниться одиннадцать лет.

В это утро Анна не проронила ни слова. Она не прикоснулась к еде, проигнорировала остывшую печь и лишь молча смотрела в заколоченное окно, сквозь щели которого пробивался блеклый зимний свет. Внутри неё что-то окончательно надломилось. Рассудок, истощенный паранойей, закрытыми четырьмя стенами и бесконечным удушливым страхом, выдал единственную, непреодолимую фиксацию — она обязана поехать на кладбище. Ей нужно было коснуться холодной

гранитной плиты, увидеть её имя, чтобы доказать самой себе, что всё это было реальностью, а не затянувшимся кошмаром.

Она дождалась, пока Кирилл ненадолго уснет на диване, сморенный тяжелым, лихорадочным сном. Действуя как в бреду, Анна натянула старую куртку, сунула в карман фальшивый паспорт беженки и бесшумно выскользнула за дверь. Навеса с белой «Нивой» она даже не заметила — её ноги сами несли её прочь из частного сектора, к автобусной остановке. Она двигалась на автомате, полностью проигнорировав жесткий приказ Александра не отвечивать и не выходить на улицу.

Кирилл проснулся через полчаса от резкого холода — входная дверь осталась слегка приоткрытой. Взглянув на пустой угол, где обычно сидела жена, и заметив отсутствие её куртки, он похолодел. Сработал первобытный страх. Он мгновенно понял, куда она могла отправиться. Выскакивать на приметной «Ниве» среди пригородных дорог было безумием, и Кирилл бросился бежать пешком, срезая путь через заснеженные пустыри и промзоны в сторону городского автовокзала — единственного транспортного узла, откуда шли пригородные маршруты до Центрального кладбища.

Ему стоило невероятных, нечеловеческих усилий заме-

тить её в бурлящей, серой толпе у касс автовокзала. Анна стояла в очереди, бледная, с растрепанными волосами, судорожно сжимая в руке несколько смятых купюр. Вокруг сновали патрули полиции, проверяя документы у подозрительных лиц после объявленного федерального розыска. На стенах вокзала висели их собственные старые фотографии с черными надписями «Внимание, розыск! Экстремизм». Любой случайный взгляд дежурного полицейского — и всё было бы кончено.

Кирилл ворвался в очередь, мертвой хваткой вцепился в её предплечье и резко, со всей силы дернул назад, увлекая за собой в тень застекленного киоска.

— Ты с ума сошла?! — зашипел он ей в самое ухо, его дыхание вырывалось густыми клубами пара, а лицо перекошило от ужаса и злости. — Ты что творишь, Анна?! Там посты! Кладбище перекрыто в первую очередь, они ждут, что мы придем туда! Ты хочешь, чтобы нас прямо на могиле дочери лицом в снег положили?!

— Пусти меня! — Анна отчаянно, со слезами забилась в его руках, пытаясь вырваться и прорваться обратно к кассам. — Пусти, слышишь ты, чудовище! У неё сегодня день рождения! Ей одиннадцать лет! Я должна быть там! Я не могу больше сидеть в этой проклятой коробке и смотреть, как ты

радуешься чужим отставкам! Я хочу к дочери! Отпусти меня!!!

Люди вокруг начали оборачиваться. Кирилл, не помня себя от паранойи, буквально навалился на неё всем телом, зажимая ей рот ладонью и волоча к выходу через служебный коридор автовокзала. Он поймал частного на старых «Жигулях», сунул ему в руку пяти тысячную купюру, не требуя сдачи, и они в абсолютном, удушающем молчании вернулись в свое кирпичное убежище. Анна всю дорогу тихо выла, уткнувшись в ладони, а Кирилла колотила крупная, неудержимая дрожь. Они сорвались. Логика их безопасности была нарушена.

Александр ждал их внутри дома. Он сидел на том самом стуле у стола, его дорогое серое пальто было расстегнуто. Оружия не было — Александр никогда не опускался до банального физического запугивания. Его главным инструментом всегда оставалась чистая, леденящая кровь психология, способность парой точных слов уничтожить любые иллюзии и обнажить безысходность ситуации. Его лицо не выражало гнева — оно было абсолютно пустым, и от этой пустоты в комнате стало холоднее, чем на улице.

— Вы нарушили протокол, — тихо, со свинцовой мягкостью произнес Александр, когда Кирилл закрыл дверь на за-

сов. — Анна, ваш силуэт зафиксировали две дорожные камеры на перекрестке у вокзала. Система распознавания лиц выдала совпадение на шестьдесят восемь процентов. Через три часа оперативники областного УВД будут штурмовать этот сектор. Вы подставили меня. Вы подставили всю операцию ради того, чтобы поплакать над куском гранита.

— Ей исполнилось одиннадцать лет... — прошептала Анна, падая на колени у порога. Ей было всё равно.

Александр медленно поднялся и подошел к ней. Он наклонился, взял её за подбородок, заставляя посмотреть в свои стальные, нечеловеческие глаза. Каждое слово ложилось мертвым грузом, выжигая остатки надежды.

— У мертвых нет дней рождения, Анна, — леденящим шепотом произнес Решала. — И если вы хотите присоединиться к ней прямо сегодня — скажите мне сразу, я не стану тратить свои ресурсы. Но если вы согласились платить мою цену, вы обязаны похоронить свои эмоции глубже, чем лежит ваша дочь. Кирилл, собирайте вещи. Нам придется снова менять вам место обитания. Прямо сейчас.

— Куда мы поедем? — Кирилл быстро хватал с полок немногочисленные пожитки и фальшивые паспорта. — Опять в глушь? На другую окраину?

Александр обернулся у двери, и на его губах появилась та самая пугающая, расчетливая усмешка, от которой по спине бежали мурашки.

— Нет. Бегать по окраинам — это предсказуемо для беглых преступников. Логика силовиков ищет вас в лесах и заброшенных дачах. Поэтому мы сделаем то, чего их тупая система никогда не сможет просчитать. Я нашел вам квартиру в самом центре города. Две улицы от площади Ленина. Окна выходят прямо на административный комплекс аппарата правительства и региональный комитет по архитектуре.

Кирилл замер, не веря своим ушам.

— Но там же камеры на каждом столбе! Там правительственный квартал, ФСБ, полиция... Нас же вычислят в первый же день!

— Под носом у преследователей никто искать не станет, Кирилл, — отчеканил Александр, открывая дверь в морозную темноту. — Для камер вы — тихие, легальные беженцы-отделочники, которые делают ремонт в элитной квартире высокопоставленного чиновника, уехавшего в Москву. Вы будете ходить по тем же тротуарам, где ходят ваши враги. Вы будете из окон смотреть, как плавится от страха вице-губер-

натор Воронов и как губернатор судорожно пытается спасти свой рейтинг. Вы будете дышать с ними одним воздухом. И это станет вашей главной психологической проверкой. Шевелитесь. «Ниву» оставим здесь, её перегонят мои люди позже. Нам пора возвращаться в эпицентр.

Глава 10. Мимикрия

Центр города встретил их равнодушным, хищным блеском витрин и бесконечным, удушающим потоком дорогих автомобилей. Правительственный квартал жил по своим собственным, суровым законам, где каждый квадратный метр земли находился под круглосуточным прицелом сотен объективов цифровых камер высокого разрешения. Логика Александра была безупречной и циничной в своей простоте: чтобы раствориться в толпе охотников, дичи требовалось полностью изменить свою биологическую и социальную природу. В правительственный квартал они уже приехали с новой внешностью, пройдя через радикальное преобразование всего за пару часов в укрытии, предоставленном Решалой перед самым выездом. Трансформация больше напоминала хирургическую операцию по удалению остатков их прошлого «я».

Анна сидела перед большим зеркалом, усыпанным обрезками её прежних волос. Острые стальные ножницы в руках

Александра двигались с профессиональной, пугающей быстротой. Её привычные пряди падали на пол, а вместе с ними уходила и та женщина, которая три года назад оплакивала Настеньку на руинах третьего подъезда. Александр остриг её до радикального, резкого каре на удлинение, полностью изменившего геометрию её лица и обнажившего тонкую, исхудавшую шею. Финальным штрихом стало окрашивание — теперь из зеркала на Анну смотрела незнакомка с глубоким, глянцевым черным цветом волос. Лицо её из-за этого контраста казалось бледной, фарфоровой маской с остановившимся, прозрачным взглядом.

Кирилл изменился не менее радикально. Из обычной, неровно обросшей за месяцы подполья бороды Александр лично, используя профессиональный триммер, выстроил аккуратную, жесткую американку, плавно переходящую в короткие, плотные усы. Свои русые волосы он тоже полностью покрасил с его помощью, превратившись в человека с однородной, строгой темной шевелюрой. Изменилась и манера одеваться. Александр заставил их полностью избавиться от привычных, поношенных джинсов, бесформенных спортивных курток и удобных кроссов. Вместо этого в гардеробе появились строгие, сдержанные вещи в деловом стиле: дорогие шерстяные пальто темных тонов, строгие брюки, классические туфли из плотной матовой кожи и неброские, но качественные джемпера.

— Вы больше не беженцы с окраины, — Александр сидел на переднем сиденье автомобиля, лениво наблюдая, как Кирилл поправляет воротник новой темно-синей рубашки. — Беженцы в правительственном квартале вызывают вопросы у любого патруля. С сегодняшнего дня вы — наемные представители столичного проектного бюро, приехавшие для аудита объектов по приглашению аппарата правительства. Ваша одежда, ваши лица, ваши движения должны транслировать сытую, уверенную легальность. Камеры ищут испуганных и прячущихся. Тех, кто идет с прямой спиной в пальто за сто тысяч рублей, система просто не замечает.

Машину тоже пришлось сменить. Белая, забрызганная грязью «Нива» была идеальна для глухих промзон и частного сектора, но на парковках возле площади Ленина она мгновенно привлекла бы внимание охраны. Вместо неё во внутреннем дворе старого дома их ждал потрепанный временем, но идеально вычищенный Mercedes-Benz S-класса начала двухтысячных годов в кузове W220. Черный, с глухой тонировкой «в круг», на массивных литых дисках, он выглядел как типичный транспорт мелких коммерсантов, юристов средней руки или теневых дельцов, которых в центре города крутилось тысячи. В общей массе правительственного автопарка этот немецкий седан становился идеальной шапкой-невидимкой — вещь статусная, но слишком привычная

для городского пейзажа, чтобы вбивать её госномер в экстренные ориентировки.

Когда они вошли в предоставленное жилье, Кирилл сразу подошел к окну гостиной, выходящему на проспект. В двухстах метрах отсюда, за чугунной оградой, высился монолитный фасад областной администрации. У входа мерцали мигалки служебных машин, люди в дорогих костюмах с кожаными портфелями торопливо поднимались по широким гранитным ступеням. Кирилл чувствовал, как внутри него закипает странная, лихорадочная смесь первобытного страха и бешеного азарта.

— Всё это стоит огромных денег, Александр, — не поворачивая головы, тихо произнес Кирилл. Его новый голос, пробивающийся сквозь незнакомые усы, звучал непривычно даже для него самого. — Квартира в этом старом доме, документы, этот «Мерседес», немецкие костюмы... Вы ведь делаете это не из сострадания к нашей трагедии. И даже не ради той призрачной услуги, которую мы должны будем вам оказать в будущем. Каков ваш реальный интерес во всем этом спектакле?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.